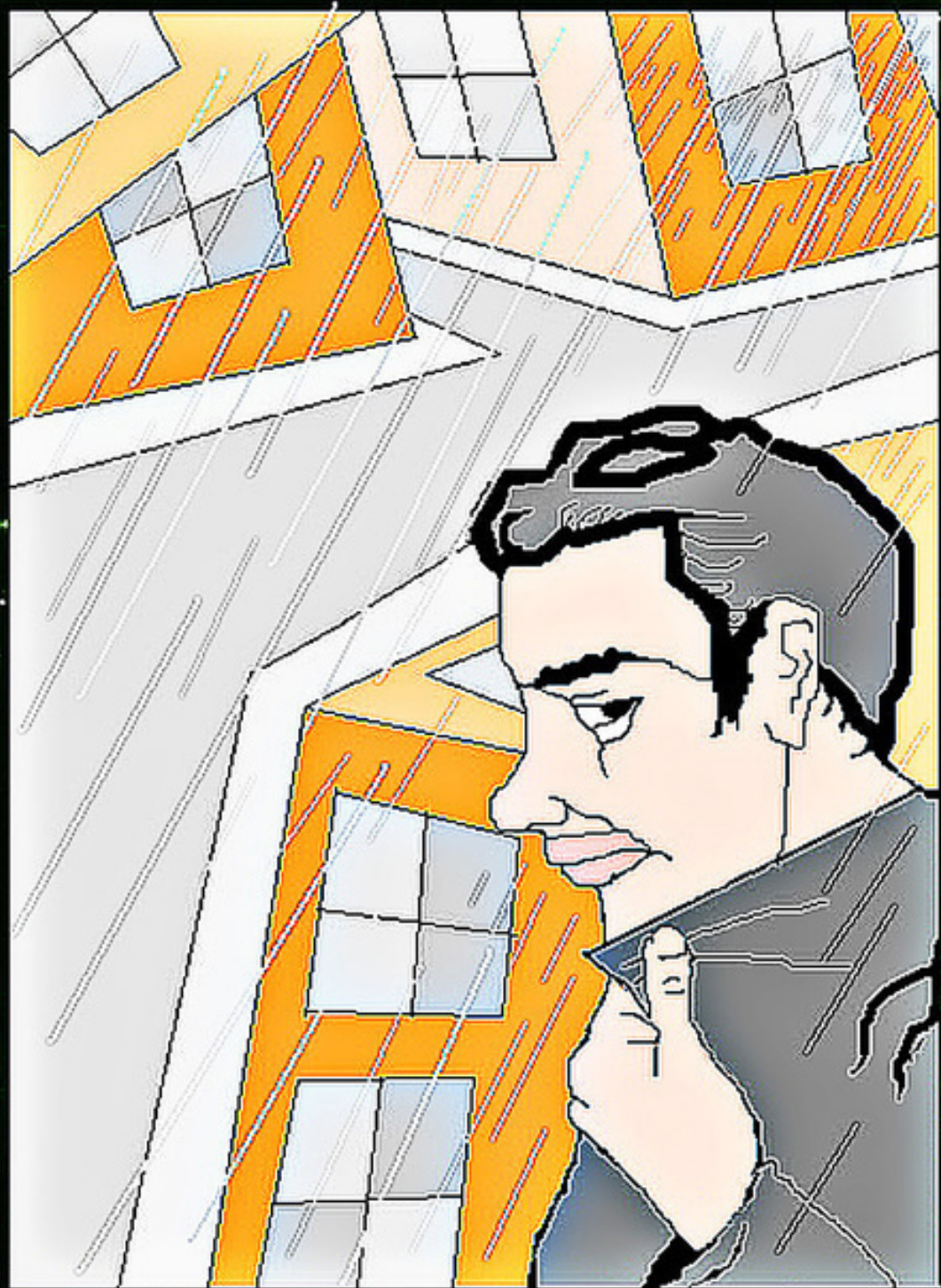

Михаил БОЧКАРЁВ

ПРИЛИВАМИ ПОТЕРЯННОЙ ЛУНЫ

@ЭЛИТА

16+

Михаил Бочкарёв

Приливами потерянной луны

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Бочкарёв М.

Приливами потерянной луны / М. Бочкарёв — Электронное издательство "Аэлита", 2013

В странном городе, не идентифицируемом на карте мира, льёт дождь. Инспектор Гарри Фулмен идёт в квартиру ограбленного профессора Барсукова. Абсурдное ограбление сумасшедшего физика забросит инспектора в небывалый мир, где нет понятия денег и подлости, где миром правят огромные плюшевые драконы, где живёт та единственная, которую Фулмен ждал всю жизнь и где нет... луны! Всё это таинственно и неотвратимо связано с самим инспектором. Солипсический нонконформизм этого романа произрастает в жанр «сказки для взрослых» заставляя читателя задуматься над собой, над миром окружающим, над дождём, что льёт за стеклом окна...

© Бочкарёв М., 2013

© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

– 1 –	7
– 2 –	12
– 3 –	17
– 4 –	20
– 5 –	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Бочкарёв

Приливами потерянной луны

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Концептуально новый вид художественной деятельности

Инспектор полиции Гарри Фулмен сидел в кабинете босса и слушал, как жужжал вентилятор на подоконнике. За окном моросил мелкий грязный дождь, похожий на помехи в не отлаженном телевизоре.

Настроение у инспектора было унылым и подавленным, в точности как небо за стеклом. Вот уже целый час Эльма Полански, босс Гарри, рассказывала истории из своей полицейской биографии, которые она явно сама сочиняла на ходу. Зачем Эльма пригласила его и почему так долго не отпускала, забивая ему голову несусветным бредом, Гарри не понимал.

Гарри натянуто улыбался, стараясь показать этим, что ему очень интересно и занимательно слушать неправдоподобные байки. Но улыбка его была настолько ненатуральной, что больше подошла бы маньяку, входящему в лифт, где стоит девятилетняя девочка в коротеньком платьице за ручку со своим громилой папой. На самом деле его просто тошнило. Гарри решил, что сидит ещё ровно минуту, после чего просто встаёт и уходит, потому что если этот жуткий вечер продлится чуть дольше, он, несмотря на то, что сам является блюстителем закона, будет готов совершить убийство, и убийство особо тяжкое.

Тут на столе Эльмы эпилептически затрясся телефон, и она, как-то странно взглянув на Гарри, подняла трубку. Казалось, звонка этого она долго и нетерпеливо ждала.

* * *

Карп Фазанович Барсуков открыл дверь своей квартиры и вошёл в прихожую. Включив свет, он ужаснулся, дрожь поверженной армией сошедших от страха с ума солдат пробежала по его спине. Карп Фазанович увидел, что квартира его пуста, как улицы провинциального города в три часа ночи. Он был обворован.

Из квартиры исчезло всё! Вся мебель, одежда и обувь, постельное бельё и тумбочки, где оно хранилось, галстуки и костюмы, которых было ровно два. Пропали столовые приборы и обеденный стол, из кухни исчез холодильник со всеми продуктами, из ванной исчезли полотенца и мыло. Грабители не побрезговали даже мочалкой, серо-зелёного цвета, которой Карп иногда, довольно, впрочем, редко, омывал своё навсегда погубленное неспортивным образом жизни тело. С книжных полок исчезли книги и подшивки журналов, где на обложках молодой Карп, многообещающий, гениальный физик, блистал отнюдь не великолепной внешностью, но глянцем. Да что там журналы – и самих-то полок в квартире не было! Но главное исчезло то, что Карп считал работой всей своей жизни. Он в отчаянии рухнул на пол, всполошив пыль, которая закружилась роем мелких мошек над рыдающим телом потерпевшего.

Осталась в квартире только засаленная, грязно-зелёная, местами ржавая раскладушка, на которой Карп Фазанович двадцать семь лет назад обрёл статус мужчины, занимаясь любовью со своей школьной подругой Эльмой Полански.

Карп протёр красные, заплаканные глаза, вспомнил отчего-то Эльму, отчётливо и ясно, будто она стояла сейчас перед ним, и вдруг понял, что ему предпринять и кто спасёт его. Осознание этого пришло, как озарение, оно влетело в голову Карпа Фазановича, словно свежий ветер в душливую, много лет не проветриваемую комнату.

– 1 –

Ночь опустила на город свои мохнатые чёрные лапы, и тяжело карабкалась старуха луна в небесную высь, где маленькие, сморщенные звёзды толпились, как фосфорические муравьи. Гарри Фулмен шагал по улице, устилая оставшийся позади путь едким дымом своей отсыревшей сигареты. Было холодно, и Гарри хотел повернуть и броситься домой, выпить стакан скотча, принять ванну и лечь спать, но сделать этого он не мог. Такова работа инспектора полиции – он всегда должен думать, прежде всего, о других.

Сегодня, когда Гарри сидел в кабинете Эльмы, поступило сообщение о краже, дело поручили Гарри. Казалось бы, ничего удивительного в этом происшествии нет, каждый день что-нибудь у кого-нибудь крадут, кого-то убивают, а кого-то даже насилуют, но всё-таки дело было необычным.

Во-первых, сообщили об этом непосредственно Эльме Полански – начальнику полиции, что само по себе было странно, а во-вторых, обворованный утверждал, что ограбили его пришельцы из параллельного мира и что они украли у него ценнейшее открытие века, (что это было за открытие, потерпевший сообщить отказался). Когда Гарри выслушивал от Эльмы столь незначительные факты, он был уверен, что это просто розыгрыш, но ошибся. Эльма оставалась удивительно серьёзна. Конечно, можно было предположить, что потерпевший вовсе никакой не потерпевший, а очередной шизофреник, бежавший из лечебницы, но это явно не так: ограбленным был знаменитый учёный, исследователь непознанного, физик, парапсихолог, лауреат Нобелевской премии Карп Фазанович Барсуков, но информацию эту ещё нужно было проверить.

– Вы Барсуков Карп Фазанович? – спросил Гарри Фулмен, когда ему открыл дверь обрюзгший, небритый, в запylённых очках, мерзкого вида тип.

Мерзкий тип подозрительно посмотрел на Гарри, дёрнул правым глазом и ответил:

– Вы кто такой?

– Гарри Фулмен, инспектор полиции.

– А документ при вас? – ещё подозрительнее осведомился уже не просто мерзкий, как показалось вначале Гарри, а омерзительнейший тип.

– Вот, пожалуйста, – инспектор показал жетон.

Тип, прищурившись, впился своими маленькими глазками в металлическую бляху, долго смотрел, подозрительно жуя губы, и, наконец, произнёс:

– Проходите. – Он отстранился, чтобы пропустить гостя и тут же нервным голосом предупредил: – Обувь снимите в прихожей, мне грязь в квартире ни к чему.

Гарри снисходительно посмотрел на Барсукова, взял валяющуюся на полу тряпку, которой оказался выходной шарф Карпа Фазановича, и небрежно вытер ей свои туфли. Карп Фазанович, видя это, раскрыл рот, но сказать ничего не успел, так как Гарри задал ему вопрос.

– Итак, что у Вас похищено?

– Э-э... всё!

– Всё?

– Кроме кровати.

Гарри заглянул в комнату и увидел посередине жилища древнюю ржавую раскладушку и полосатый матрас на ней. Больше в комнате, действительно, ничего не было. Помещение освещала тусклая лампочка, болтавшаяся без плафона, а на подоконнике стояла целая батарея бутылок из-под разных горячительных напитков.

– Вы алкоголик? – спросил, не поворачиваясь, Гарри.

– Нет, я парапсихолог, – ответил ошеломлённый наглостью гостя Барсуков.

– Работаете где-нибудь?

– Вот уже пятнадцать лет я заведу лабораторией крупнейшего научно-исследовательского института нашего города, – с достоинством отозвался Барсуков. – И, вообще, какое Вам дело до моей работы?

– Вы утверждаете, что Вас ограбили пришельцы из других миров. Так?

– Так.

– Я прихожу к Вам домой и созерцаю нищенскую квартиру и похабного вида человека в ней. Опочивальня ваша похожа на логово бродяги, кругом бутылки. Однако Вы утверждаете, что Вы учёный. Так?

– Так.

– Скоро уже час ночи, я хочу есть и спать, а вместо этого выслушиваю какой-то бред от человека, больного белой горячкой, потому что он пьёт, не просыхая, неделями. Так?!

– Так, – ошарашено ответил Барсуков. – То есть, нет, не так! Это всё чистейшая правда. Клянусь! Я действительно учёный. – Он начал рыться в карманах и извлёк свой именной пропуск в институт. – Вот, смотрите!

Фулмен взял протянутую ему карточку и внимательно её изучил. Оказалось, что, к сожалению, мерзкий тип не врёт и что на самом деле он учёный, лауреат Нобелевской премии и заведует лабораторией по изучению паранормальных явлений среды, о чём и было написано в его документе.

«Да, – подумал Гарри, – лауреат, а живёт как спившийся дворник. Интересно». Гарри достал свой блокнот, посмотрел в него и поднял усталые печальные глаза на Барсукова.

– Вы, господин Барсуков, сообщили, что у Вас похищено величайшее открытие века. Не так ли?

– Именно так?

– Что это за открытие?

– Это... это... нет, я не могу этого сказать!

– Почему?

– Э-э... это секретные военные разработки, – нашёлся Барсуков.

– Неужели? – Гарри улыбнулся. – Что же тогда Вы звоните в полицию, а не в департамент Госбезопасности? Что Вы скрываете, Барсуков?!

Карп Фазанович стал бледен, и глаза его принялись резво метаться из стороны в сторону, как две ошалевшие по весне кошки.

– Но, понимаете ли... – начал оправдываться он.

– Нет, я ничего не понимаю! – перебил его Гарри.

– Да послушайте же, Вы! – нервно крикнул Барсуков, брызнув слюной, как флакончик дезодоранта. – Это не может стать, пока, достоянием гласности, и потом, – эксперименты ещё не закончены и...

– Что вы скрываете? – вновь перебил его оправдания Гарри, пронзив профессора взглядом, как букашку. – Или вы мне сейчас всё сами расскажете, или я позвоню, куда следует, и вам придётся всё рассказать другим, более отчаянным людям. Всё ясно?! – припугнул инспектор в момент вспотевшего от такого поворота профессора.

– Да, – безысходно вздохнул Карп Фазанович.

– Ну, вот и хорошо. Рассказывайте.

И Карп Фазанович рассказал инспектору о том, что он изобрёл межпространственный проницатель, позволяющий переносить любую материю из одного измерения в другое, что изобретение это уникально по своей сути, что цены ему нет, что это величайшее открытие в истории человечества.

Конечно, Гарри по молодости лет почитывал фантастику и, в принципе, представлял себе, что такое параллельный мир, бластер, межгалактический лайнер и прочие бесчисленные атрибуты данного жанра литературы, но сейчас, слушая невероятные «факты», которые

столь убедительно и самозабвенно извлекал из себя обворованный лауреат, Гарри погружался в состояние, подобное детскому трансу. Так молодые мамыши рассказывают своим чадам невероятные истории, с такой правдоподобностью, что усомниться в их реальности нельзя никак. Из рассказа Барсукова выяснилось, что мир не только может иметь «параллельную реальность», а просто не может без неё существовать в принципе. Мало того, реальностей этих невообразимо много и все они взаимосвязаны, как связано между собой всё, что существует на нашей земле, во вселенной, галактике, макро– и микрокосмосе. Но связь эта имеет свои законы, и нарушать их нельзя, иначе неминуема катастрофа.

– Вот представьте себе, – взволнованно объяснял Барсуков, звеня бусинками пота, как модница дорогим колье, – ваш мозг, а точнее, один его центр, руководит моторикой ваших рук, а другой центр мозга отвечает за память, и пока каждый занимается своим делом, всё у вас в полном порядке. Вы берёте в руки яблоко, ощущаете его вес, чувствуете гладкость кожи, твёрдость, и память автоматически заносит эти данные в свой специальный каталог, и потом, в следующий раз, когда у вас в руке окажется другое яблоко, вы будете иметь возможность сравнить те данные, полученные при первом контакте с предметом; с новейшими, полученными от нового. Так складывается для человека картина всего мира и всех предметов и явлений в нём. А теперь предположим, что связь этих центров мозга нарушена или неправильно функционирует, что получится тогда?

– Что? – заинтересованно спросил инспектор.

– А получится тогда вот что. Вы держите яблоко, и в это время стучит где-то рядом, ну, скажем, отбойный молоток, и ещё, скажем, как раз на вас капает дождь, а память фиксирует эти два несовместимых элемента в одно, и это одно и будет вашим представлением о яблоке. То есть яблоко для вас будет: первое – циклический грохот, и второе – мокрый дождь. Понятно?

– В общем, понятно, только это, знаете... – начал Гарри.

– Конечно, конечно, пример отвратительный, – перебил его Карп Фазанович, невротически махнув рукой, будто отгонял приставучую муху, – но поймите, я вам объясняю, как ребёнку, на пальцах, но вот вам конкретный пример: наш мир, в котором мы с вами в данный момент находимся, существует во времени и пространстве, и все мы – разумные существа, животные, насекомые и прочие организмы, населяющие его, неминуемо движемся с потоком времени «вперёд», мы знаем, что было в прошлом, мы можем это зафиксировать, но будущее для нас недоступно. Так?

Гарри согласился.

– А ближайший к нам параллельный мир существует, в отличие от нашего, «во времени», «послевремени» и «надвременем», термины, конечно, условные, но я постараюсь объяснить. Для тех, кто живёт в этом мире, нет понятия пространства как такового, пространство для них – это само время, поэтому там не существует прошлого и будущего, нет истории и памяти, нет предположений и догадок, и населяют этот мир всего три существа. Человеку, конечно, трудно представить себе такой мир, но можно попробовать представить себе его так: если взять три разных кадра киноплёнки и склеить их поочерёдно один с другим в бесконечную ленту, а потом запустить кинопроектор, где плёнка движется снизу вверх. Так?

Фулмен кивнул.

– Теперь взять ту же плёнку и кинопроектор, но движение будет обратным сверху вниз, – Барсуков внимательно посмотрел на Гарри, будто хотел увидеть сквозь глаза, что тот ел на обед, – а третий кинопроектор будет крутить ту же плёнку, но с отставанием в две доли секунды. Теперь все три изображения надо последовательно наложить друг на друга и синхронизировать, и мы получим примитивный макет нашего параллельного мира...

– Я что-то не пойму, – возмутился Гарри, – что же мы увидим на экране?

– Да в том-то и дело, что ничего особенного мы не увидим, теоретически изображение будет статичным, равномерно пульсирующим, но в действительности мы будем знать, что

видим новые и новые кадры и что движение есть, но, так как мы знаем наперёд, что кадра всего три и новой информации не предвидится, нам это станет смотреть утомительно. Правильно?

– Ну конечно...

– Вот в этом-то всё и дело. Человек живёт не во времени, а со временем, он, как пассажир самолёта, купил билет, сел и полетел. Он может ходить внутри салона, смотреть из окна, спать, мечтать, рожать детей, но с каждой секундой он будет приближаться к конечному пункту рейса, и когда самолёт прибывает к месту назначения, всё закончится, хотя, конечно, это спорный вопрос. А в параллельном мире три его обитателя и есть сами себе самолёт, пассажир и маршрут. Понятно?

– Нет, – честно ответил инспектор.

– Ну, да ладно, дело не в этом. Самое ужасное – это то, что может случиться, если два наших столь непохожих мира сомкнутся в одну цепь. А мой прибор может это сделать...

– Так зачем же вы его создали? – Гарри непонимающе посмотрел на учёного.

– А как же вековая мечта человечества заглянуть в будущее? А жажда открытия? Я учёный, а не сельский техник, – гордо заявил Барсуков, тускло блеснув стёклами очков, – и потом, откуда мне было знать... – Тут он замолчал и задумчиво уставился на грудку пустых бутылок на подоконнике. Гарри тоже посмотрел на бутылки и спросил:

– Скажите, Карп Фазанович, а почему вы так позорно живёте?

– Позорно? – брезгливо повторил Карп.

– Ну, честно говоря, когда я к вам вошёл, подумал, что это какой-то притон алкоголиков, разве что не воняет у вас. – Гарри немного кривил душой, запашок был, правда, не сильный, и, вероятнее всего, исходил он от носок Барсукова. – Вы ведь Нобелевский лауреат? Это же куча денег.

– Да что деньги, – Карп вздохнул, – деньги я потратил на исследования, а живу я так, – он окинул свою комнату безразличным взглядом, как импотент нудистский пляж, – живу так, потому что мне всё равно...

Оба надолго замолчали.

– И всё-таки, я не могу понять одного, – начал Гарри, – если для того, чтобы попасть в параллельный мир, нужен ваш проникатель, а он находился у вас, то как тогда его могли похитить пришельцы из этого самого параллельного мира? И почему вы так уверены в том, что это именно они? И вообще, чем вам может помочь полиция?

– Похитили, несомненно, они, – Барсуков деловито скрестил на груди руки и значительно посмотрел на инспектора глазами пронизательными, как он полагал, – больше некому. Да и, кроме них, никто о проникателе ничего не знал, и потом, это не материальный объект, человек его похитить не смог бы...

– То есть как не материальный? – удивился инспектор.

– А так. Это, проще выражаясь, сгусток энергии – тринадцать радиоволн различной частоты, замкнутые в определённой последовательности на долю секунды.

Гарри непонимающе посмотрел на профессора.

– Но где-то же вы это хранили?

– Вот здесь. – Барсуков постучал себя указательным пальцем по голове.

Гарри улыбнулся.

– Я, конечно, мало понимаю в науке, профессор, но кое-что, знаете ли, и мне понятно. Как можно украсть из квартиры то, что хранится у человека в голове?

– Очень просто, – ответил Барсуков, сверкнув глазами, – создавая проникатель, я, в первую очередь, замкнул время. На это ушли годы, – он оглядел свою квартиру, – каждая вещь, находившаяся в этой комнате, располагалась строго в определённом месте и взаимодействовала непосредственно с волновой структурой времени. Вы, может быть, слышали о том, что всякий предмет хранит в себе всю информацию, когда-либо полученную им?

– Возможно, что-то слышал, – задумался Гарри.

– Путём кропотливых расчётов и долгих экспериментов мне удалось замкнуть в этой комнате время в кольцо на секунды. Как я это сделал, вы всё равно не поймёте. Ну, а потом уже я связал определённые радиоволны в некую структуру. Созданное таким образом поле и являлось пространственным проникателем, и находился он здесь, – Барсуков рукой указал в сторону подоконника, уставленного пустой тарой, – но в то же самое время и здесь, – он постучал пальцем по лбу, как недоверчивый покупатель по кожуре арбуза, – я – это ключ к проникателю, так как время замкнуто было на мне самом.

Блюстителю закона два раза моргнул и уставился сначала на подоконник, а потом на Барсукова.

– И? – спросил ничего непонимающий Гарри.

– И? И что, и? – передразнил Барсуков инспектора, глядя на него так, будто он объяснял ему, что курица – это птица, а не рептилия. – И его украли!

– Так чего же вы хотите от полиции? Что бы вам вернули ваши вещи?

– Да причём здесь вещи? – опешил Барсуков. – Нужно предотвратить катастрофу! Вы что, так ничего и не поняли? Мир уже начал меняться. С того самого момента как вы ко мне пришли, могло произойти такое...

– И всё-таки я никак не могу понять, чем вам может помочь полиция? Относительно кого или чего я, по-вашему, заведу уголовное дело?

– Нет, нет! – тут же раненым птенцом встрепенулся профессор. – Никакого дела быть не должно, для этого нужны только вы и никто кроме...

Гарри удивлённо посмотрел на Барсукова.

– Почему именно я?

– Вы подходите, – полушёпотом произнёс профессор и зловеще улыбнулся.

– 2 –

Придя домой, Гарри решил выпить немного, успокоиться и лечь спать. Услышанная полчаса назад история профессора вызвала у него двоякие чувства. С одной стороны, Гарри, как опытный полицейский, понимал, что имеет дело с не вполне нормальным потерпевшим и, скорее всего, потерпевшим он является не со стороны пришельцев из других реальностей, а урон нанесён ему от куда более банального врага – алкоголя, чему прямым доказательством была сама квартира Барсукова. И в то же самое время Фулмен признавал факт: Барсуков – профессор, лауреат, учёный и, стало быть, человек непростой. Бог его знает, до чего действительно дошла современная наука, расскажи, например, кому-нибудь лет так сто назад о телевизоре, тебя сочли бы сумасшедшим...

Налив полстакана «Red Label», Гарри достал из холодильника лёд и, добавив в стакан три аккуратных кубика, встал у окна. Закурив сигарету, он крепко затянулся и, выпустив густую струйку дыма, отхлебнул скотч. В этот момент в комнате зазвонил телефон, Гарри посмотрел на часы, было почти три, и Гарри, в который раз пожалев, что забыл отключить аппарат на ночь, направился в комнату.

– Гарри Фулмен, – произнёс инспектор, подняв трубку.

– Гарри, здравствуй! Ты уже был у Барсукова? – это была босс Гарри Эльма.

– Да, только вернулся.

«Странно», – отметил он про себя, чего это она вдруг?

– Та-ак... хорошо, – задумчиво произнесла Эльма. – Завтра утром зайди ко мне и постарайся ни с кем не говорить о том, что он тебе рассказал.

Гарри промолчал.

– И вот ещё что, – добавила она торопливо, – завтра, перед тем как зайти ко мне, купи какой-нибудь радиоприёмник, желательно небольшой, карманного типа. Да, и захвати чек, департамент оплатит расходы.

– М-м... – промычал Гарри, – ну, хорошо...

– Тогда до завтра, – понизив голос, произнесла Эльма, – и никому ни слова, – добавила она.

Услышав гудки, Гарри положил трубку, глотнул из стакана, сжатого в руке, и тихо произнёс:

– Очень странно.

Утром Гарри зашёл в магазин и купил, как его и просили, небольшой радиоприёмник. После чего отправился выпить кофе в бар напротив своего участка. Сев за дальний столик возле окна, он вместо кофе заказал себе зачем-то пиво и принялся, не спеша отхлёбывая золотистый напиток, рассматривать свою покупку. Радиоприёмник был размером чуть меньше сигаретной пачки, чёрного цвета, с серебристым колёсиком посередине. Колёсико приводило в движение ползунок, который показывал, на какой волне сейчас находится слушатель. К приёмнику прилагались маленькие наушники «капли», но был у него с обратной стороны и динамик, маленькая кнопка сбоку переключала приёмник в режим наушников или динамика, и Гарри, вставив две маленькие батарейки, переключился на внешний звук. Он принялся, шурша радиоэфиром, искать какую-нибудь новостную станцию, в надежде услышать прогноз погоды.

...распорядился глава районной... а ты люби меня, люби... глубинных вулканических пород, нижние пласты... а а-а а ала-ла-ла, ну, где же ты, любимая... I fe-e-el good, I knew that I wouldn't of... по словам террористов, все попытки властей... заявил президент Иордании...

Метеосводку он так и не поймал. Выключив приёмник, он положил его в карман куртки. В мире ничего не менялось. Слушать радио Фулмен не любил – слишком гнусными были пере-

дачи и слишком жуткими оказывались новости. Иногда он слушал музыку, но редко и далеко не всю.

«Так что же я имею, – подумал Гарри, – украден некий «проникатель» в параллельные миры... но, в сущности, это не прибор, а набор вещей сумасбродного профессора... и вещи ему, как таковые, не нужны... а что же ему нужно... он говорил что-то про прерванную цепь, но я-то тут при чём? При чём тут полиция? И почему это именно я подхожу? К чему подхожу?»

Он посмотрел в окно. За стеклом накрапывал мелкий косой дождь, редкие прохожие быстрым шагом куда-то торопились по своим делам, глядя под ноги и обходя глубокие лужи. Они были похожи на серые тени, оторвавшиеся вдруг от асфальта и принявшиеся бороздить улицы самостоятельно. Атмосфера этого дня угнетала и истощала. Гарри закурил сигарету и посмотрел на часы, было без четверти десять.

«Докурю сигарету и пойду, – решил Гарри, – или... может, ещё одну пива?»

Он быстрыми глотками допил содержимое своей кружки и резко поставил её на стол. Звук привлёк внимание официантки, она посмотрела на Гарри, приподняв левую бровь, он же в ответ кивнул. Она тоже едва заметно кивнула и через минуту, подплыв медузой, поставила перед ним кружку свежего солодового напитка.

– У вас замечательное пиво, – улыбнулся Гарри.

– Только для лучших клиентов, – проблеяла официантка и оценивающе посмотрела на инспектора, – может, молодой человек хочет чего-нибудь покрепче? – двусмысленно спросила она, и зрачки её при этом заметно расширились. Гарри даже слегка смутился.

– Э-э, в другой раз обязательно, – ещё раз улыбнулся он, – сейчас я на работе.

– Да? И как... интересная у вас работа?

– Иногда очень.

Официантка пристально посмотрела Гарри в глаза, лукаво улыбнулась и, покачивая формами, направилась к дальнему столику у стены, где сидели два немолодых уже посетителя, явно перебравшие накануне и потому нетерпеливо жаждущие спасительного пива. Гарри не без удовольствия проводил работницу бара взглядом и снова посмотрел в окно. Почему-то теперь настроение его улучшилось, и даже хмурая законная действительность показалась ему теперь романтической и обнадёживающей. Он не спеша допил пиво и, положив на столик чуть больше требуемой суммы, вышел из кафе, направившись в участок.

Когда Гарри вошёл в кабинет Эльмы, он почувствовал себя сразу даже не двойко, а, скорее, тройко. Во-первых, он понял, что вторая кружка пива была явно лишней, ведь он опять забыл позавтракать, а алкоголь таких фокусов не любит, во-вторых, он понял, что опять вошёл без стука и от этого ему сделалось жутко неловко, ну, и в-третьих, он вдруг осознал, что его босс, оказывается, женщина, и женщина, вероятно, привлекательная в своём роде. Нет, разумеется не для самого Фулмена, но... Все эти три чувства нахлынули на него одновременно и моментально, а потому тут же смешались во что-то подобное хмельной сентиментальной неловкости.

В тот миг, когда инспектор открыл дверь кабинета, он увидел, что его босс Эльма стоит возле окна и самозабвенно целуетя со вчерашним потерпевшим профессором Барсуковым. Но видел он это какую-то долю секунды, так как сам же и спугнул столь странную парочку своим появлением. Любовники тут же отпрянули друг от друга, как застигнутые внезапно включённым светом тараканы на тёмной кухне. Эльма тут же покраснела и потупила взгляд, а профессор заметался глазами и покрылся испариной.

– Я... извините... я... – Гарри попытался закрыть дверь.

– Нет, нет, – остановила его Эльма, – проходите, Гарри. Вот, знакомьтесь, Гарри Фулмен, это... – Она повернулась к Барсукову, но посмотреть на него не смогла. – Ах да... вы же... вы же вчера...

Барсуков оживлённо закивал и принялся тереть вспотевший лоб носовым платком. Эльма же принялась бессмысленно перебирать какие-то бумаги на столе.

– Я купил приёмник, – нашёлся Гарри, сам крайне смущённый этой неловкой сценой.

– Да? Очень хорошо! – Эльма оторвалась от своего пустого занятия. – Вот как раз Карп Фазанович... он хотел...

Барсуков спрятал платок в карман, сухо откашлялся и направился к Гарри.

– Разрешите?

Гарри протянул профессору свой приёмник, а сам подумал: «Шустрый, однако, старикашка, как это он так быстро её охмурил».

– Да, это как раз подойдёт, – произнёс профессор и, посмотрев на Эльму, утвердительно кивнул головой.

– Отлично, – ответил Гарри, хотя абсолютно не понимал, что к чему и за чем должно подойти.

– Тогда я сейчас в лабораторию, – Барсуков спрятал приёмник в карман, – и минут через тридцать снова у вас.

– Да, да, Карп Фазанович, конечно, – видно было, что Эльма уже успокоилась, – я тогда сейчас всё Гарри объясню...

Барсуков кивнул, и, слегка засмотревшись на Эльму, пошёл, но тут же врезался в стоящего на пути Фулмена. Профессор вздрогнул, извинился и, обойдя препятствие, поспешно вышел из кабинета.

Гарри, секунду помедлив, подошёл к столу и сел напротив Эльмы.

– Я – весь внимание...

Эльма, присела в своё кресло, взяла карандаш и начала ритмично покручивать его между пальцев. Раньше он никогда не замечал у своего босса такой привычки.

– Гарри, для начала я должна сказать, что мы... мы с Карпом... с Карпом Фазановичем... мы давно знакомы, очень давно. – Тут она испытующе посмотрела ему в глаза зрачками, в которых читалась просьба не разглашать увиденную сцену страсти и возможная протекция на самом высоком уровне. Гарри понял этот взгляд и едва заметно утвердительно кивнул.

– Да, но это, конечно, не имеет отношения, – продолжила Эльма, – отношения к делу... Понимаешь, Гарри, дело это странное и сложное... и... и потом Карп сам тебя выбрал, – с некоторым удивлением в голосе сказала Эльма, – в общем... тебе поручается...

Эльма говорила очень странно, делая ненужные паузы и повторяя слова, как будто бы она сама не знала, что говорить. Этого Гарри в ней тоже не замечал. Но было ясно, что что-то сказать она всё-таки хочет и это что-то даётся ей с трудом.

– Эльма, – перебил её Фулмен, – я и сам вижу, что дело очень необычное. Я просто хотел спросить напрямую. Тем более что вы, оказывается, знакомы...

– Да, Гарри, что? Что спросить? – Эльма тревожно посмотрела ему в глаза.

«Нет, точно, – подумал он, – такой странной я её не видел никогда».

– Мне показалось, что этот профессор немного не в себе, – карандаш в руках Эльмы снова пришёл в движение, и Гарри непроизвольно начал следить за этими манипуляциями, карандаш вращался, как сошедший с ума спидометр при приближении НЛЮ, – может, у него на почве усталости... или ещё чего...

«Интересно, а она давно у него была, – вдруг подумал Гарри, – и видела ли она все эти бутылки? Или, может, они вместе столько выпили?» – Он невольно представил себе эту картину и внутренне поморщился.

...просто нервный срыв, – продолжил он, – всё-таки учёный, столько работы, мозгу ведь тоже разгрузка нужна?

Эльма слабо улыбнулась.

– Да, я понимаю... но тут... тут, Гарри, всё не так просто... Ты, конечно же... тебе сложно вот так взять и понять... но... я, видишь ли... я сама была в том месте, о котором он тебе говорил. Это не выдумки, Гарри. Всё – правда!

– Вы? Вы там были? – удивился инспектор. – Когда?

– Какое-то время назад, – уклончиво ответила Эльма и, встав с кресла, подошла к окну. – Гарри, тебе нужно будет отправиться туда и всё выяснить. Карп всё тебе расскажет и объяснит. Мы будем держать с тобой связь.

Она снова вернулась к столу.

– Да и ещё, дело это неофициальное, ты же понимаешь?

Гарри кивнул, хоть и абсолютно не понимал, почему это он, инспектор криминальной полиции, сыщик, должен заниматься неофициальными делами, да ещё и такими бредовыми.

– Поэтому я всё оформлю, как твою, так скажем, служебную командировку. Ну, а зарплата... – Эльма присела в кресло и придвинулась ближе к Гарри, – зарплату получишь такую... что я сама тебе позавидую...

Гарри вдруг задумался, какой, интересно, такой зарплатой его заманивают в это попахивающее кликой расследование. И какова же тогда сумма, что Эльма сможет ему позавидовать? Он невольно представил, как раздаст все долги и уедет куда-нибудь далеко к морю, плюнув на работу, на серый дождливый город, на окружающую его тоскливую, безрадостную действительность.

Тут вдруг на её столе зазвонил телефон, и Эльма, как будто зная об этом звонке заранее, неожиданно быстро схватила трубку и тут же начала разговор.

– Да! Да, здравствуйте! – затараторила она в трубку. – Сколько? Отдуваться опять нам? Ну, знаете, что я вам скажу... это не в моей юрисдикции... да... да... и Пинкербрейкер в курсе... Что? Да мы просто перебросим это дело в главное управление...

Гарри понял, что разговор у Эльмы, скорее всего, затянется. Он встал и пошёл к выходу. Эльма сделала вид, что не замечает этого, и ещё более оживлённо продолжила свой нервный телефонный дискусс.

– ...а мне плевать! Вы были обязаны в трёхдневный срок...

Гарри вышел в холл и закрыл за собой дверь. Тут же он столкнулся со своим коллегой Иванческу. Сысой Иванческу, сорокапятилетний комиссар полиции, лысоватый, грузный, карьерист-параноик с болезненной отдышкой и слабым сердцем, имеющий жену и двух дочерей, а также молодую любовницу – продавщицу из магазина мужской одежды, о чём в управлении знали все, страдальчески улыбнулся и пожал руку Гарри.

– Как поживает гроза преступного мира? – банально сострил он.

На этот вопрос Гарри не ответил, только посмотрел на Иванческу так, будто видел его первый раз в жизни.

– Да ты, брат, пьян? – изумился комиссар.

– Нет, я не пьян.

– Что, вызывала? – Иванческу со злорадствующим видом кивнул на дверь кабинета Эльмы.

– Вызывала...

– Сам же знаешь, она этого не любит! – назидательно промямлил Сысой.

– Чего этого? – Гарри еле сдержался от желания плюнуть в сальное лицо комиссара.

– Чего, чего... Утреннего отрыва от реальности. – Иванческу посмотрел на Фулмена взглядом строгой матери, поймавшей своего несовершеннолетнего сына с сигаретой в зубах.

«Как он это точно сказал – утренний отрыв от реальности», – удивлённо подумал Гарри.

– Ну, ладно, пойду, – комиссар похлопал инспектора по плечу, от чего по телу Гарри прошла брезгливая волна, – дали двух оболтусов на стажировку. Вот они меня... дерут. Как морскую звезду.

Гарри давно заметил за Иванческу привычку говорить метафорами, только метафоры его зачастую были ужасно корявыми и нелепыми. Но в этот раз он превзошёл сам себя.

«Утренний отрыв от реальности, – думал инспектор, – прямо про меня. Прямо в точку попал».

Фулмен устало посмотрел на сутулую спину удаляющегося Иванческу и направился в свой кабинет.

Стол, как всегда, был завален бумагами, тут же стояла чашка недопитого позавчера кофе и пепельница, заваленная скрюченными, как болезненные корнишоны, окурками. Гарри вытряхнул пепельницу в корзину и, усевшись в своё кресло, закрыл глаза. Его тут же потянуло в дрему. За окном моросил мелкий, еле слышимый дождь, который приятно убаюкивал сознание и погружал Гарри всё глубже и глубже в негу сна.

Странные зыбкие образы из далёкого детства, размыто цветные и солнечные, еле уловимо всплывали в его сознание. Вот Гарри – маленький ребёнок в коротеньких штанишках, идёт с мамой за ручку по ярко залитой солнцем улице. Мама что-то говорит ему, но он не может разобрать её слов, хотя понимает, что мама говорит с ним довольно строго, и в то же время он чувствует ни с чем несравнимое тепло и нежность, которая исходит от самого близкого и родного ему человека, и это ощущение невероятной заботы и любви окружает Гарри, и мир вокруг наполнен чистотой и светом.

На улице множество людей, одетых в лёгкие светлые одежды, Гарри не видит ни одного хмурого лица, и сама улица, и площадь, к которой они приближаются, будто бы источают неуловимую музыку счастья. Посередине площади стоит большая гранитная чаша, из центра которой бьют, переливаясь на солнце, струи фонтана. Гарри, влекомый мамой, подходит к краю чаши, она такая высокая, что на секунду Гарри перестаёт видеть искрящиеся лучи воды, но тут мама нежно поднимает его и ставит на гранитный бордюр, Гарри уже ощущает мелкие брызги воды на щеках и слышит, как струя монотонно шумит...

Внезапный телефонный звонок оборвал сон Гарри в тот самый момент, когда он хотел повернуться к маме лицом. Вздвогнув, он открыл глаза и услышал всё тот же шум, что и во сне, только более чётко. За окном мелкий морозящий дождь сменился настоящим ливнем, небо приобрело серый, давящий на сознание цвет, от чего в кабинете стало заметно темнее.

Телефон ещё раз громко прозвенел, и Гарри резко поднял трубку.

– Гарри! Зайдите ко мне, – голос Эльмы окончательно вернул Фулмена в сознание.

– Иду.

– 3 –

В кабинете находились Эльма и профессор Барсуков. Они стояли двумя покинутыми кораблями в заброшенной гавани, молча и обречённо. На этот раз горячие любовники находились на безопасном друг от друга расстоянии, и когда инспектор вошёл, он сразу понял, что они, по крайней мере, минут пять даже не разговаривали друг с другом.

– Гарри, – начал бодро профессор, – вот ваш приёмник.

Он протянул купленный им в начале дня радиоаппарат.

– Я его немного модернизировал, что, как я надеюсь, позволит нам держать с вами связь, когда вы окажетесь там...

Инспектор, взяв приёмник, посмотрел на своего босса, и Эльма утвердительно кивнула.

– Я буду выходить с вами на связь на частоте 101.2 FM, – продолжал профессор, – и вы также сможете общаться со мной, я встроил в приёмник микрофон, вот тут.

Профессор указал пальцем на миниатюрную дырочку возле внешнего динамика.

– Возможно, связь иногда будет установить сложно, но я смею надеяться, что такие случаи будут редкостью. – Барсуков улыбнулся склизкой улыбкой улитки, ползущей по аквариумному стеклу.

– Ясно, – ответил Гарри, – и это все достижения современной науки?

Он иронично повертел в руках дешёвый радиоприёмник.

– Напрасно вы так, молодой человек, – Барсуков резко покраснел, и стёкла его очков тут же слегка запотели, – это уникальная разработка и серийно, как вы, надеюсь, понимаете, такие, – профессор сделал уверенный акцент на этом слове, – приёмники не выпускают!

Гарри пожал плечами и спрятал радио в карман куртки. На какое-то время в кабинете воцарилось молчание, и Фулмен снова неосознанно начал прислушиваться к шуму ливня за окном.

– Карп Фазанович, – нарушила молчание Эльма, – когда мы отправим Гарри?

Профессор встрепенулся, достал из кармана платок и, нервно сняв очки, принялся тщательно протирать стёкла, которые были похожи на лоснящийся во влажном помещении кинескоп телевизора – его тёрли тряпочкой, а он всё равно упорно запотевал.

– Да, да, конечно, – начал он слишком уж нервно, как показалось Гарри, – я совсем забыл.

Профессор подошёл к окну и поднял с пола пожухлый кожаный портфель, похожий на сморщившуюся мумию крокодила. Портфель, который явно лет десять назад потерял свою изначальную форму, щёлкнул заклёпкой, и профессор с видом ветеринара-стоматолога влез в его вялую пасть.

– Инспектор, присядьте, пожалуйста, на стул, – проговорил Барсуков, роясь в портфеле.

Фулмен подошёл к стоящему напротив стола Эльмы стулу и, сев на него, посмотрел на своего босса взглядом усталой собаки. Эльма в ответ едва заметно улыбнулась и показала мимикой лица: «Ничего, Гарри, крепись! Всё будет хорошо!»

Профессор, отыскав, видимо, то, что искал, подошёл к Гарри и протянул ему огрызок карандаша.

– Это что? – удивился Гарри.

– Это – Транспортный канал, – без тени юмора ответил профессор.

Инспектор снова посмотрел на Эльму, изумлённо подняв брови. Попытка найти поддержку своей догадки в том, что Барсуков совсем плох, и что его надо срочно вязать, и, пока ещё не поздно, доставлять в психиатрическую, увенчалась фиаско. Эльма ответила ему абсолютно серьёзным сосредоточенным взглядом.

– Возьмите, пожалуйста, его в правую руку, – продолжил профессор, – и держите перед собой, а левую пока положите на колено.

Фулмен взял у профессора карандаш.

– Вы, кажется, что-то перепутали, профессор, – ухмыльнулся Гарри, – может, конечно, у вас и есть то, что можно назвать «Транспортным каналом», но это... – он брезгливо посмотрел на огрызок карандаша, – то, что вы мне дали, называется по-другому.

Гарри победоносно взглянул на Барсукова.

Профессор вдруг приобрёл вид человека, у которого ни с того ни с сего в самолёте потребовали предъявить проездной, но через мгновение он пришёл в себя.

– Да, да, конечно, это – карандаш. Несомненно, карандаш, но одновременно это и «Транспортный канал», и от этого никуда не деться, – снисходительно разъяснил Барсуков, растянув на лице улыбку преподавателя специнтерната для детей-даунов, которым всё приходится повторять и разъяснять неоднократно.

Гарри вздохнул, поняв, что с этими людьми связываться бесполезно, и нехотя выполнил указания профессора.

«Вот будет-то, если кто-нибудь сейчас войдёт», – подумал он. Но в кабинет никто не вошёл.

– Гарри, сейчас я буду зачитывать вам некий текст, – продолжил профессор, – во время которого вы должны будете держать правую руку поверх моей головы, для удобства я сяду рядом...

Гарри снова призывно, как раненный тюлень, взглянул на Эльму, но она оставалась каменно серьёзной и непреклонной.

– Понимаю вашу реакцию, – продолжил Профессор, – но так нужно.

Барсуков сел на пол слева от инспектора и сам водрузил его руку себе на лысину. Лысина была тёплой и влажной, и первым желанием Гарри было шлёпнуть по этой лысине ладонью, как по тамтаму, а потом плюнуть на весь этот спектакль и пойти в бар выпить виски. Ему даже представилось, как от шлепка голова Барсукова издаёт протяжный глухой звук и вибрирует. Желание стало почти непреодолимым. Но он этого не сделал, а продолжил слушать указания профессора.

– Постарайтесь ни о чём не думать, – говорил профессор, и голова его еле заметно подрагивала под ладонью, – закройте глаза и слушайте. Можете не вникать в суть, но главное – вы должны внимательно слушать то, что я буду говорить.

«Ладно, но потом ты меня будешь слушать, и ты от меня всё услышишь, но тебе ещё и в суть придётся вникать», – раздражённо подумал инспектор и закрыл глаза.

Профессор замолчал. Какое-то время он ничего не говорил, и у Гарри снова возникло ощущение, что его просто крупно разыграли, что сейчас его снимает скрытая камера, а в кабинете неслышно набились все сотрудники департамента и, еле сдерживаясь от хохота, наблюдают, как он сидит на стуле, с рукой, покоящейся на лысине спившегося театрального клоуна, а в другой руке сжимает огрызок карандаша, готовясь к невероятной переброске в другую реальность. От этих мыслей у Фулмена стало одновременно смешно и скверно на душе, и, наверное, поэтому он не открыл глаза, а попытался ни о чём не думать, просто слушая шум ливня.

Дождь всегда успокаивал Гарри. В его монотонном звуке он находил что-то зачаровывающее и убаюкивающее. Он любил дождливые дни, когда ничего не надо было делать, никуда не надо было бежать, а можно было просто остаться дома и читать увлекательную книгу, или лежать на диване, мечтая о чём-нибудь, слушая эту природную музыку.

Тем временем профессор начал неторопливо тихо говорить, и Гарри даже не понял, то ли профессор начал свой странный рассказ не сначала, то ли он просто заслушался дождем и пропустил вступительные слова.

– ... угасая порывами северных вихрей, плыли дельфины, сгрудившись под натиском песчаных вьюг. А там, на перламутровом горизонте в ветвях древней сакуры, чьим ароматом наполнен был лес, и рептилий неисчислимые легионы тянулись к закату, Она поднимала белый

стяг, ослепительная в лучах трёх солнц и тени шли к востоку огибая горы и мхи среди ручьёв дальней песней звенели туманные шлюзы развязывая вены рек всё дальше как шёлк как прибрежную пыль вздымая краями растёкшихся полей и дальних селений, уходящая дальше и за горизонты, за небо за вершины звёзд в чёрную непроглядную пустоту, а за ней открывались бутоны диковинных пёстрых планет-шаров попеременно и сразу взрывались и гасли, и взгляд терялся на радуге переливов цветов. Тогда будто шёпотом длилось эхо и губы сочились вином и блестела луна освещённая гранями пирамид посредине зеркального пляжа где сосны качаясь с ветвей осыпали медуз и животных невиданных форм и пристань плыла влекомая ветром...

Сознание Гарри погружалось в какую-то странную липкую дрему, монотонный дождь и голос профессора завораживали его и тянули за собой. Гарри видел спонтанные образы, выстраивающиеся из навязчивых слов, и ещё к этому примешивался тихий, но всё нарастающий медленно гул.

— ...и выюгой и брызги сияли алмазами в каждой частице своей, отражая весь пройденный путь, а за морем фрегаты росли и маячили белыми точками в неге тепла и зелёным туманом стекали к дорогам больших городов, где мерцали в огнях фонарей и сирены пожарных машин уносили горячую ленту асфальта и двери-витрины звеня от касаний несущихся мимо авто на бензиновых плёнках расплёсканных луж поднимали из памяти стройные лиры звенящие утренней песней, а на гладких балконах в стекле отражались гигантские горы с верхушками вросшими в небо подобно торнадо рождённому в облачной пене...

Гул в ушах всё усиливался. Но его он, как ни странно, не боялся, а скорее ждал. И уже слова профессора потеряли чёткость и смысл, расплываясь цветными пятнами, перед глазами вертелась вереница образов, и в этот момент выросший гул поглотил всё естество Гарри, оглушил его и лишил сознания.

– 4 –

Первое, что он увидел, когда открыл глаза, – это небо. Прозрачно-синее небо с редкими девственно белыми облаками и жёлтым мячиком солнца, которое, как ни странно, не слепило глаза, а только лишь дополняло своим присутствием странный нереально красивый небесный пейзаж. Гарри заворожено смотрел на это чудо и чувствовал, как его лицо обдувает свежий, наполненный нежными, давно забытыми запахами ветер. Он вдруг понял, что с самого детства ни разу не разглядывал небо, не лежал вот так пластом на земле, пожирая глазами эту удивительную синеву.

Инспектор повернул голову и увидел, что лежит на гладкой светло-серой поверхности. Он провёл по ней пальцами и почувствовал, как рука свободно скользит, он не ощутил даже пылинки на странном дорожном покрытии. Приподнявшись, он посмотрел на свою ладонь, которая действительно оказалась чистой, и осмотрелся.

Он сидел посередине широкой дороги, начало и конец которой упирались в горизонт, в саму синь заворожившего его неба, и, насколько хватало глаз, никаких строений вокруг не было. По обеим же сторонам дорожного полотна, справа и слева, простиралось удивительно ровное безграничное поле, поросшее мелкой жёлтой травой, и поначалу могло показаться, что это и не трава даже, а песок. Поле упиралось в небо, и не было ничего, даже самого захудалого домишки или деревца. Пейзаж напоминал пустыню, только вот ветер был уж слишком свежим и насыщенным.

«Выходит, получилось», – подумал Гарри.

Поднявшись, Фулмен подошёл к обочине дороги. Присев, он сорвал несколько травинок и помял их пальцами. К удивлению, трава была не сухой, как сначала подумал он, а наоборот, свежей и душистой, причём запах этой странной травы напомнил Гарри аромат яблок. Гарри хотел было попробовать травинку на вкус, но тут же передумал.

«Мало ли что?», – засомневался он. Поднявшись и ещё раз оглядевшись, межреальностный путешественник пошёл по дороге в сторону солнца.

Он шёл не спеша, озираясь по сторонам и прислушиваясь к окружающему его новому миру. Но ничего вокруг не менялось, и постепенно у Фулмена сложилось впечатление, что он просто топчется на месте, подобно бегуну на тренажёре. Он пытался не думать об этом и настойчиво шёл вперёд. Тут Гарри вспомнил о радиоприёмнике. Быстро достав его, он включил внешний динамик и начал медленно прокручивать колёсико переключения диапазона волн. Из динамика полился монотонный шум, иногда сменяющийся неприятным высоким писком.

Профессор просил держать с ним связь на частоте 101.2 FM, и когда Гарри докрутил до соответствующей отметки, шум помех стих, и он услышал прерывистое тихое хрюканье. Он включил громкость на максимум и поднёс приёмник к уху. Было похоже, что кто-то что-то говорит, но кто и что – понять было невозможно. Впрочем, кто это может говорить, Фулмен, конечно, подозревал... но что?

«Ладно, – подумал он, – раз ты, профессор, у нас... лауреат... что-нибудь придумаешь». – Гарри продолжил прокручивать колёсико дальше, нежно, будто гладил маленького шершавого зверька против шёрстки, и, к огромному своему изумлению, на частоте 103.7 поймал отчётливый сигнал.

– Это музыка, что ли, у них здесь такая? – спросил инспектор вслух, услышав странную какофонию звуков и ритмов, отчётливо доносившихся из приёмника. Было похоже, будто человек двадцать без слуха и какого-либо намёка на интеллект неведомым образом добрались до склада музыкальных инструментов и разом кинулись на них играть, но самое интересное было в том, что Гарри вдруг понял: эта странная музыка, вопреки законам логики, ему нравится.

А понял он это потому, что сам хотел было прокрутить колёсико настройки дальше, но всё никак не мог оторваться от прослушивания, музыка между тем развивалась, выдавая всё новые и всё более невероятные пассажи, откуда-то появлялись совсем уже незнакомые Гарри звуки, которые он никак не мог сопоставить в своём воображении с каким-либо инструментом, хотя ему отчётливо было понятно, что инструмент это «живой», а вовсе не синтезированный с помощью высоких технологий, до которых дошла современная музыкальная и компьютерная индустрия.

Когда-то в молодости Фулмен сам играл в рок-группе на гитаре и мечтал стать знаменитым на весь мир. С группой, которую они с друзьями, не долго думая, назвали «Легионеры», Гарри сыграл несколько концертов и однажды ему даже повезло затащить не слишком привлекательную, веснушчатую, словно попавшую в зону взрыва завода апельсинового концентрата, поклонницу в постель. Девушка оказалась вялой и пьяной, и удовольствия он тогда не получил. Может быть, поэтому, повзрослев, он забросил идею покорения музыкального олимпа и пошёл учиться на полицейского.

– Так, значит не всё потерянно, – Гарри начал разговаривать сам с собой, – если кто-то это играет, значит, где-то этот кто-то живёт? Да и эту дорогу тоже построили, если не люди, то уж разумные существа точно...

Но тут вдруг музыка резко оборвалась, и радио замолчало. Он поднёс приёмник ближе к уху и услышал тихий шум в эфире, звук был похож на шуршание целлофанового пакета, затем и этот звук смолк, и его сменило странное бормотание на невнятном языке.

«Так, должно быть, глухонемые разговаривают», – подумал Гарри.

Он убавил громкость, а потом и вовсе выключил приёмник, экономя заряд батареек, и задумчиво оглядевшись, продолжил свой путь. Он долго шёл в тишине, а на горизонте всё так же было пусто и однообразно. Инспектор заметил, что ему совсем не жарко, хотя он был довольно тепло одет, так как в его «родной реальности» наступала осень, а тут всё указывало на спокойное тёплое лето. Ветерок был не холодный – не тёплый, не сильный – не слабый, а воздух свежий и бодрящий.

Гарри шёл и смотрел себе под ноги, любуясь странным асфальтом – абсолютно ровным и чистым.

– А вообще, асфальт ли это? – вдруг озадачился он и, достав из кармана складной ножик, присел, пытаясь отковырнуть часть удивительного материала. Покрытие было очень прочным, но ему всё-таки удалось вырезать небольшой кусочек размером с полногтя.

Гарри повертел загадочную добычу в руках, на ощупь материал напоминал спрессованный каучук, используемый в автомобилестроении, точнее в отделке автомобилей и общественного транспорта. Но всё-таки кусок неизвестного материала отличался бросающимся в глаза несвойственным земной промышленности качеством.

Тут вдруг Фулмен крайним зрением заметил, что на небе справа что-то изменилось, он тут же посмотрел туда и увидел чёткую чёрную точку. Точка приближалась. Через какое-то мгновение Гарри понял, что это птица. Но ещё через мгновение он понял, что птица не может приближаться так стремительно.

– Чёрт! Что это такое?! – запаниковал страж законопорядка, когда понял, что с неба прямо на него несётся невероятных размеров чёрное существо с размахом крыльев «Боинга».

Гарри стало по-настоящему страшно, когда он понял, что в каких-нибудь трёхстах метрах в высоте он видит огромного чёрного дракона. Выглядел дракон очень странно, что-то в нём было не так, не такой был дракон, каким Фулмен мог бы себе его представить.

Дракон замедлил свой полёт и, сделав несколько плавных кругов над трясущимся инспектором, сел на дорогу прямо перед его носом.

Гарри откровенно дрожал, сжимая в кармане куртки свой «магнум», который он, слава богу, не забыл в участке, что частенько с ним приключалось. Он во все глаза смотрел на дра-

кона. И не верил своим глазам. Перед ним сидело огромное существо размером с двадцатиэтажный дом и смотрело на него пытливыми, полными разума глазами. Самое странное и страшное было то, что дракон был плюшевый... Гарри видел перед собой огромную плюшевую... живую игрушку. Дракон был бархатно-чёрным с короткими лапами и огромным пузом, и мордой он совсем не походил на динозавра, скорее, на мультяшную крысу с преувеличенно вытянутым и потому загнутым у окончания носом.

Но он был живым. Он дышал и неуклюже шевелился, как бы поудобнее устраиваясь на тёплом покрытии дороги. И непрерывно следил за Фулменом своими огромными, ещё более чёрными, чем его окрас, глазами. Гарри заметил, что крылья существа, которые при полёте казались невероятно огромными, сейчас уменьшились и еле выглядывали из-за спины смешным чёрным бантиком.

Вдруг нос дракона пришёл в движение. Чудовище, вероятно, готовилось чихнуть. Оно потянуло свою короткую правую лапу вверх, одновременно наклоняя голову вниз так, чтобы дотянуться до своего подрагивающего носа.

Выглядело это, прямо скажем, забавно, так, что Гарри даже на секунду перестал бояться, и это движение невероятного зверя напомнило ему нечто виденное им в детстве. Дракон зажмурился и с упоением быстро-быстро почесал нос. От этого у инспектора непроизвольно на лице всплыла глупая умильная улыбка, и он окончательно перестал дрожать.

Тут вдруг дракон резко открыл глаза и посмотрел на сыщика.

– Зачем дорогу портишь? – бархатистым баритоном спросил дракон.

– Я...я... в качестве аналитического материала, – начал ошарашенно оправдываться Гарри.

– Ага, – закивал дракон, – проба грунта, да? Странные вы создания – люди. Разве дорогу построили для того, что бы её портить?

Гарри нервно, не выпуская из руки «магнум», попытался указательным пальцем нащупать в кармане злополучный кусочек, наверное, для того, что бы вставить его обратно в дорожное полотно. Но то ли карман был слишком глубоким, то ли пальцы несколько коротковатыми, кусочка асфальта нигде не было.

– Что бы, интересно, ты сказал, – продолжил дракон, еле заметно помахивая крыльями, – если бы я у тебя в качестве аналитического материала откусил бы полноги?

Гарри представил себя без половины ноги, посмотрел на огромную пасть плюшевого монстра, и ему стало совсем нехорошо, как будто бы он съел что-то склизкое и шевелящееся. Он подумал, что рано ему успокаиваться, и крепко сжал рукоятку пистолета в кармане, понимая, впрочем, что причинить вреда своей игрушкой он явно не сумеет. Стрелять в такого гиганта из пистолета было бы так же глупо, как идти охотиться на стаю крокодилов с пластмассовой саблей.

Тут дракон резко наклонил голову вниз и уставился на Гарри огромным немигающим бездонно-чёрным глазом. Фулмен в панике попытался отступить, но, не удержавшись на ногах, спотыкнулся и упал.

Глаз дракона прищурился и уплыл обратно на высоту.

– Я, конечно, этого делать не собираюсь, – задумчиво произнёс дракон, – но советую дорогу больше не уничтожать.

«Не буду», – перепугано подумал Гарри.

– Тебя как зовут? – поинтересовался диковинный плюшевый зверь.

– Гарри Фулмен, инспектор полиции, – представился он.

– Полиции?

Гарри догадался, что, скорее всего, драконы из другой реальности не могут знать, что такое полиция.

– Я ловлю преступников, – пояснил он.

– Ловишь преступников? – задумчиво проговорил дракон и с интересом посмотрел на инспектора. – А зачем?

Гарри задумался.

– Ну, потому что они нарушают закон.

– А как же можно нарушить закон!? – чуть не рассмеялся дракон.

– Это происходит довольно часто... – начал Гарри.

– А ты можешь нарушить закон? – заинтересованно перебил инспектора гигантский монстр.

– Я? – Сыщик поднялся с дороги и хотел было отряхнуться, но понял, что отряхиваться ему незачем, дорога была всё так же девственно чиста. – Теоретически, конечно, могу.

– А какой закон ты можешь нарушить? – уже более серьёзно спросил дракон.

– Странный вопрос, – задумался инспектор, – любой, наверное. Вот что у вас нельзя?

– У нас? Где это у нас?

– Ну, у вас тут, – Гарри окинул взглядом окружающие их жёлтые безграничные поля, – в другой реальности?

Дракон также вслед за Фулменом осмотрелся.

– Что значит в другой реальности?

Гарри понял, что так и не сказал дракону, откуда он прибыл.

– Дело в том, что я сам, – улыбнулся инспектор, – прилетел... или, точнее, переместился из другого параллельного мира.

– А ты уверен, что ты из «другого параллельного мира»?

Дракон слегка нахмурился, что означало, как показалось сыщику, его заинтересованность и внимание. Гарри воодушевился и с энтузиазмом выпалил:

– Уверен! Меня с помощью транспортного канала – карандаша и лысины профессора Барсукова, переместили к вам сюда. – Сказав это, Гарри сам удивился насколько глупыми были его слова. – Или, если точнее... я здесь оказался по секретному поручению моего босса, которая, как оказалось, ещё и любовница профессора...

Гарри не закончил, так как понял, что несёт полную ахинею, и несёт он её, вероятнее всего, потому, что всё происходящее с ним похоже на полночный бред.

– Ага, – закивал дракон, – понятно.

– Я совсем не то хотел сказать, – оправдываясь, Гарри начал тереть виски, – я с планеты Земля, а у профессора похитили научное открытие, и я должен его отыскать.

Тут Гарри понял, что с ним точно что-то не то. Мало того, что он несёт чёрт знает какую околесицу, так ещё рассказывает первому встречному всё, о чём должен был бы помалкивать. Фулмен абсолютно перестал соображать, что ему ответить дракону, и замолчал.

– Ладно, – начал дракон, – как я понял, ты нездешний. Поэтому, наверное, ты и попортил дорогу, никто, из живущих здесь, этого делать бы не стал. Но если ты кого-то ищешь, зачем ты идёшь в ту сторону? – Дракон кивнул в ту сторону, куда совсем недавно направлялся Гарри.

Тот неопределённо промолчал.

– Идти надо в другую сторону, только там можно повстречаться с жителями нашей... как ты сказал?

– Параллельной реальности, – подсказал Гарри.

– Вот-вот, – кивнул дракон.

– А если я пойду дальше – куда шёл?

Дракон удивлённо уставился на инспектора.

– Ты никуда не придёшь. Ты шёл неправильной дорогой, а неправильная дорога никуда тебя не приведёт.

– Странно, – задумался Фулмен, – значит, если идти в ту сторону, то я никуда не приду, а если в обратную, то встречу тех, кто здесь живёт?

– Именно так.

– Но ведь где-то дорога заканчивается, – расфилософствовался охотник за проникателем, – и следовательно что-то или кто-то там, – он указал рукой вперёд, – должен быть?

– Даже не знаю, что тебе ответить? – улыбнулся дракон и слегка махнул еле видневшимися из-за спины крылышками. – Только ты сам можешь это проверить, но поверь мне – я говорю правду!

Тут Гарри вдруг вспомнил, о чём ему говорил профессор.

– Послушайте... э-э... – он не знал, как обратиться к диковинному существу.

– Меня зовут Заркан, – представился дракон, сделав ударение на первой гласной своего имени, – я дракон-стиратель.

– Очень приятно. – Гарри хотел было протянуть руку, но вовремя опомнился: своей лапой дракон мог бы легко пожать самого Гарри, а не его микроскопическую пятерню. – Так вот, я хотел уточнить у вас вот что: профессор Барсуков, тот, что переместил меня к вам, уверял, что ваша реальность населена всего тремя существами. Это правда?

Дракон задумался и еле заметно улыбнулся.

– А он сам бывал у нас?

– Да, ведь это он изобрёл способ перемещения между реальностями.

– Возможно, что для профессора она и вправду населена всего тремя существами, – неопределённо ответил Заркан, – всё зависит от того, что за существо сам профессор, полагаю, что есть люди, которым было бы достаточно реальности, населённой вообще только одним существом – им самим!

– А разве такое бывает? – удивился инспектор.

Дракон не ответил, так как у него, по-видимому, снова зачесался нос, и он поспешно вытянул лапу вверх, а голову – вниз. Почесавшись, дракон распрямился и шумно встал на задние лапы, увеличив свой и без того невероятный рост на добрых семь метров.

– Ну ладно, – сказал он, – я полетел. Мы ещё встретимся! – С этими словами дракон взмахнул крыльями, которые так и оставались непропорционально маленькими в соотношении с телом, однако, не смотря на это, его лапы спокойно оторвались от земли, и дракон медленно начал подниматься ввысь. Он чем-то походил на шмеля, давно злоупотребляющего перееданием.

Дракон всё быстрее и быстрее удалялся от Гарри, и тут инспектор увидел, что крылья Заркана приобретают прежний боингоподобный размер. Через несколько мгновений дракон превратился в чёрную еле заметную точку и постепенно исчез на фоне голубого неба.

– 5 –

Фулмен вновь остался один на гладкой, утыкающейся с обоих концов в горизонт дороге. Он вдруг почувствовал, проанализировав про себя разговор с драконом, что тот знает гораздо больше, чем говорит. И ещё Гарри показалось, что дракон над ним слегка издевался, прикидываясь глупее, чем есть на самом деле. Но инспектор тут же отбросил эти мысли, списав всё на свою мнительность. Он развернулся и зашагал в обратном направлении, куда и посоветовал идти Заркан.

«Странные вещи тут творятся, – думал Гарри, шагая неспешно вперёд, – может, я вовсе никуда не перемещался, а просто сплю?».

Но всё-таки он понимал, что не спит. Сны снами, а реальность всегда можно отличить от сновидения. Бывало, что иногда Гарри видел загадочно-сюрреалистические сны, и в них порой происходили совсем неожиданные вещи, но это... Это был не сон!

«Почему же профессор говорил мне о каких-то там трёх существах, живущих «вовремени»... или «подвременем»? Ерунду какую-то наплёл, – инспектор попытался вспомнить свой первый разговор с Барсуковым, – что-то он там про киноплёнку мне рассказывал? Склеенные кадры... движутся равномерно... Лауреат хренов!!!».

И тут вдруг впереди сыщик увидел, что горизонт уже совсем не пуст, вернее, он был всё-таки пуст, но пуст не совсем, не так, как раньше. С каждым шагом Гарри всё отчётливее видел странную картину. Из ничего на фоне неба начинал прорисовываться силуэт города. Это было похоже на то, как на листе фотобумаги, опущенном в проявитель, начинает вырисовываться фотография. Сначала на фоне неба появилась прозрачная рябь, потом еле заметные контуры зданий, потом эти контуры становились всё отчётливее, и когда Гарри прошёл ещё метров пятьдесят, он увидел перед собой совершенно реальный город.

«Но ведь я прошёл в эту сторону всего-то ничего?! – растерянно подумал он. – Откуда здесь город? Это мираж, что ли?».

Инспектор остановился и зажмурился. Постояв так, открыл глаза. Город никуда не делся, а стал даже ещё реальнее и резче. Гарри прикинул, что, по логике вещей, он давно прошёл много большее расстояние, чем теперь ему предстояло одолеть, чтобы войти в город.

«Ну, впрочем, – подумал он, – если тут драконы плюшевые разговаривают, так ещё и не такое может быть. Только нелогично всё это как-то».

До города, по примерным подсчётам Гарри, идти было минут десять. Издалека он напоминал обыкновенный заскорюзлый городишко, каких на земле – тысячи. Невысокие кирпичные и панельные дома, дворики и редкие проблески зелени. Но что-то очень странное было в нём. И Гарри пока не мог себе объяснить – что. Он просто это чувствовал.

Когда Гарри подошёл совсем близко, так, что уже чётко стали видны окна ближайших домов, лавочки, газоны и дворы, он понял, что его так насторожило. Город был пуст. Уверенности, конечно, у него не было. Может быть, просто у горожан сейчас был час сиесты, все они разбрелись по квартирам и спокойно себе сладко дремлют? Город совсем не выглядел заброшенным, а скорее даже наоборот. Улицы бросались в глаза непривычной чистотой. Пустующие города так не выглядят. Ни окурков, ни пустых бутылок, ни порванных автомобильных шин. Да и самих автомобилей инспектор не увидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.